

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.5.8.19>

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СТАРОКИРГИЗОВСКОГО МОГИЛЬНИКА ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИКСКО-БЕЛЬСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ¹

©2025 г. Р.Р. Саттаров, С.Э. Zubov, Ч.И. Дупчур, И.Ф. Салимгареев

В статье рассматриваются вопросы датировки Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры, расположенного в Икско-Бельском междуречье. На основе анализа археологического материала, полученного в ходе раскопок 1970-х годов и возобновленных исследований 2016–2025 годов, авторы предлагают уточненные хронологические рамки памятника. Особое внимание уделяется анализу погребального обряда, находкам бронзовых наконечников стрел и восьмерообразных застёжек как хронологическим маркерам. Проводится сравнение Старокиргизовского могильника с другими ключевыми памятниками пьяноборской культуры, такими как Кипчаковский I могильник, что позволяет синхронизировать его нижнюю датировку. На основе анализа бус устанавливается верхняя дата могильника. В результате исследования обосновывается датировка Старокиргизовского могильника II в. до н. э. – I в. н. э. и подчеркивается его значение для понимания процессов формирования пьяноборской культуры в Сюньско-Бельском междуречье.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, пьяноборская культура, Старокиргизовский могильник, хронологические рамки.

THE ISSUE OF DATING THE STAROKIRGIZOVSKY BURIAL GROUND OF PYANY BOR CULTURE IN THE IK-BELAYA INTERFLUVE²

R.R. Sattarov, S.E. Zubov, C.I. Dupchur, I.F. Salimgareev

The paper concerns the dating of the Starokirgizovsky burial ground of Pyanobor culture located in the Ik-Belaya interfluve. Based on an analysis of the archaeological material obtained during the excavations of the 1970s and the resumed studies of 2016-2025, the authors propose an updated chronological framework of the monument. Special attention is paid to the analysis of the funeral rite and the discovered bronze arrowheads and figure eight-shaped clasps as chronological markers. The Starokirgizovsky burial ground is compared with other key monuments of the Pyanobor culture, such as the Kipchaksky I burial ground, which has allowed to synchronize its lower dating. The upper date of the burial ground has been established based on an analysis of the beads. As a result of the study, the dating of the Starokirgizovsky burial ground to the 2nd century BC – 1st century AD is substantiated and its importance for understanding the Pyanobor culture formation processes in the Syun-Belaya interfluve is emphasized.

Keywords: archaeology, early Iron Age, Pyany Bor culture, Starokirgizovsky burial ground, chronological framework.

Пьяноборская археологическая культура, известная научному сообществу 145 лет, обладает значительным фондом археологических материалов, особенно по могильникам. К настоящему времени исследовано более 3350 погребений, относящихся к данной культуре. Несмотря на это, вопросы хронологии пьяноборской культуры остаются дискуссионными,

¹ Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

² The work was carried out at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending their doctoral dissertation, performing research, as well as working in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan “Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan”.

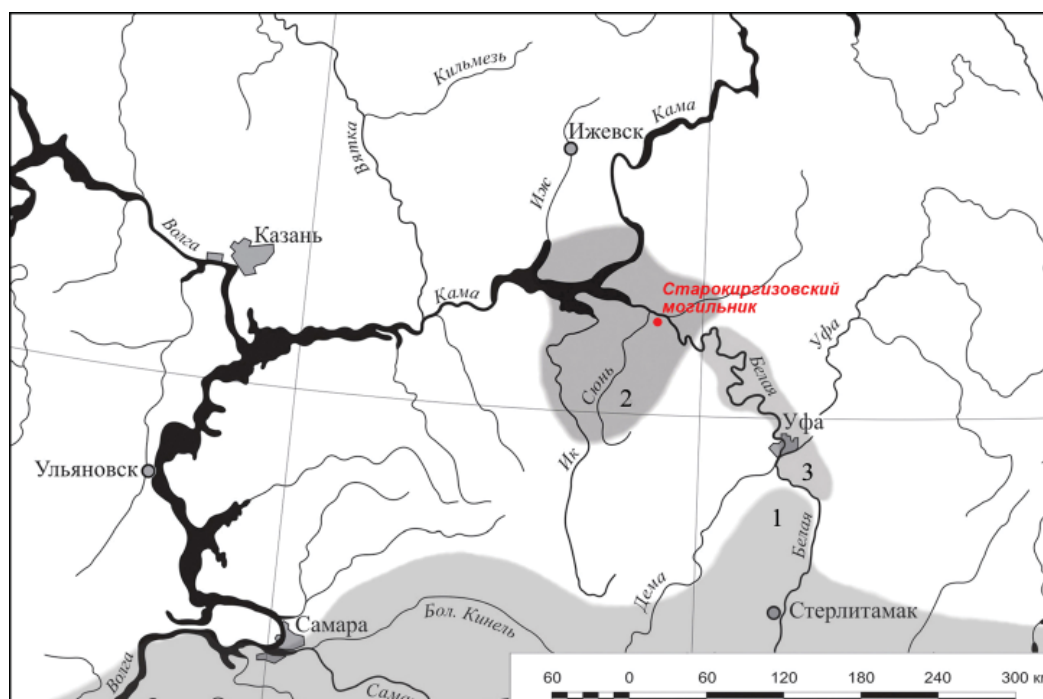

Рис. 1. Старокиргизовский могильник пьяноборской культуры на карте-схеме ареалов памятников кочевников-сарматов (1) и оседлого населения пьяноборской (2) и кара-абызской (3) культур

Fig. 1. Starokirgizovsky burial ground of Pyanobor culture on the area map of the monuments of Sarmatian nomads (1) and the settled population of Pyanobor (2) and Kara-Abyz (3) cultures

что обусловлено сложностью интерпретации имеющихся данных и отсутствием надежно датированных комплексов.

Для изучения пьяноборской культуры исследователи в разные годы выделяли опорные памятники, на основе которых строились хронологические схемы. Так, В.Ф. Генинг, датируя культуру в пределах III в. до н. э. – II в. н. э., использовал материалы раскопанных им Чегандинского II и Нырғындынского II могильников (Генинг, 1970, с. 89–93). Б.Б. Агеев, помимо пересмотра датировок Чегандинского II и Нырғындынского II, рассматривал и другие могильники, что позволило ему выделить раннюю стадию (II в. до н. э. – I в. н. э.) и позднюю стадию (II–III вв. н. э.) (Агеев, 1992, с. 79). Р.Д. Голдина выделяет Икский могильник как реперный для ранней стадии (II–I вв. до н. э.), а Нырғындынский II могильник – для средней (I–II вв. н. э.) (Голдина, Бернц, 2022, с. 491, 492). К заключительной стадии пьяноборской культуры (чегандинской – по версии В.В. Генинга, тарасовской – по Р.Д. Голдиной) (III–V вв. н. э.) она относит памятники мазунинской археологической культуры, соотнося их с мазунинским этапом, завершающим тарасовскую культуру. Тарасовский могильник, по мнению Р.Д. Голди-

ной, является опорным памятником для всей культуры (Голдина, Лещинская, 2022, с. 445), что вызывает вопросы, поскольку он не соответствует общей периодизации. Могильник не содержит захоронения II–I вв. до н. э. На этом основании представляется необоснованным предложение Р.Д. Голдиной о переименовании культуры в «тарасовскую».

Несмотря на значительный объем исследований, хронология раннего этапа пьяноборской культуры остается наименее изученной. Это хорошо показано в работах С.Э. Зубова и Р.Р. Саттарова (Зубов, Саттаров, 2018, Саттаров, Камалеев, 2022), А.А. Красноперова (Красноперов, 2009, 2014, 2017, и др.). Неработанность хронологии вызывает определенные сложности при датировании новых материалов.

В 2025 году экспедицией Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, Казанского (Приволжского) федерального университета и Академии наук Республики Татарстан было завершено исследование Старокиргизовского могильника пьяноборской культуры, расположенного в Илишевском районе Республики Башкортостан (рис. 1). Полная изученность всей доступной территории могильника позволила

Рис. 2. Общий план Старокиргизовского могильника с указанием погребений с бронзовыми и железными наконечниками стрел

Fig. 2. General plan of the Starokirgizovsky burial ground indicating the burials with bronze and iron arrowheads

поставить целью данной работы определение хронологических рамок его бытования.

История изучения могильника началась в 1970 году, когда И.Б. Васильев и В.С. Горбунов зафиксировали наличие захоронений вблизи старого тракторного парка и пожарной части, после того как расширение грунтовой дороги привело к разрушению нескольких погребений. В том же году разведочные раскопки, проведенные А.Х. Пшеничнюком, подтвердили наличие пьяноборских захоронений. В 1972 году стационарные археологические раскопки продолжила экспедиция Башкирского государственного университета под руководством С.М. Васюткина, исследовав 51 захоронение (Васюткин, 1982, с. 125).

Исследования были возобновлены в 2016 г. Начало раскопок было инициировано И.Ф. Салимгареевым, учителем истории местной школы села Старокиргизово, в связи с разрушением памятника из-за незаконной разработки карьера. В течение пяти полевых сезо-

нов (2016–2018, 2024, 2025 гг.) было изучено 138 погребений.

При анализе материалов для определения нижней хронологической границы могильника особое внимание привлекают следующие моменты.

Прежде всего, в северной части могильника выделяется участок с необычной планировкой: центральное, более глубокое погребение 89 окружено кольцом других захоронений. Эта планировка напоминает курганный, несмотря на отсутствие зафиксированной при раскопках насыпи. Подобное расположение погребений встречается в материалах Кипчаковского I курганно-грунтового могильника пьяноборской культуры II в. до н. э. – I в. н. э., однако полного круга вокруг центрального погребения там не образуется (Зубов, Саттаров, Тагиров, 2021, рис. 4, курганы 41 и 54). Кольцевой обряд захоронений наиболее характерен для раннесарматских погребений Южного Урала III–I вв. до н. э. (Статистическая обработка...,

Таблица 1. Взаимовстречаемость наконечников стрел из погребальных комплексов Старокиргизовского могильника

Table 1. Mutual occurrence of arrowheads from the burial complexes of the Starokirgizovsky burial ground

№ п/п	Шифр погребения	Бронзовые наконечники стрел	Железные наконечники стрел	Костяные наконечники стрел
1	П.63	18		2
2	П.92	9		
3	П.57	6		5
4	П.51/72	5		
5	П.58	2		2
6	П.83	2		
7	П.35	1		
8	П.56	1		10
9	П.89	1		
10	П.84	3	1	1
11	П.23		14	5
12	П.53		6	19
13	П.18/72		5	42
14	П.17		5	
15	П.71		3	18
16	П.1-36/72		2	
17	П.43		2	27
18	П.20		2	15
19	П.2/72		2	1
20	П.2-25/72		1	
21	П.12		1	1
22	П.42		1	2
23	П.29			11
24	П.20/72			8
25	П.17/72			7
26	П.55			4
27	П.2/70			3
28	П.15/72			3
29	П.4-29/72			2
30	П.3/72			1
31	П.11-24/72			1
32	П.74			1
33	П.85			1
Итого		48	44	192

1997, с. 182), но в них погребения располагаются по кругу относительно центра кургана, а не центрального погребения (Садыкова. Васильев, 2001, рис. 1, 4, 9). Наиболее близким аналогом являются многомогильные курганы саргатской культуры, в которых вокруг центральной, крупной и глубокой могилы группами или по кругу расположены другие захоронения (Корякова, 1988, с. 48).

Второй важный момент – наличие в могильнике 10 погребений с бронзовыми наконечниками стрел (табл. 1, рис. 2–4), что позволяет предположить раннюю датировку. Эти погребения

сконцентрированы компактно, преимущественно в северной и центральной частях могильника. В погребениях 35, 56 и 89 было обнаружено по одному бронзовому наконечнику стрелы. По два наконечника были найдены в погребениях 58 и 83. В погребении 84 было найдено три наконечника, в погребении 51/72 – пять, а в погребении 57 – шесть наконечников. Наибольшее количество, девять и восемнадцать, было обнаружено в погребениях 92 и 63, соответственно. В большинстве случаев бронзовые наконечники найдены вместе с костяными (четыре погребения), а

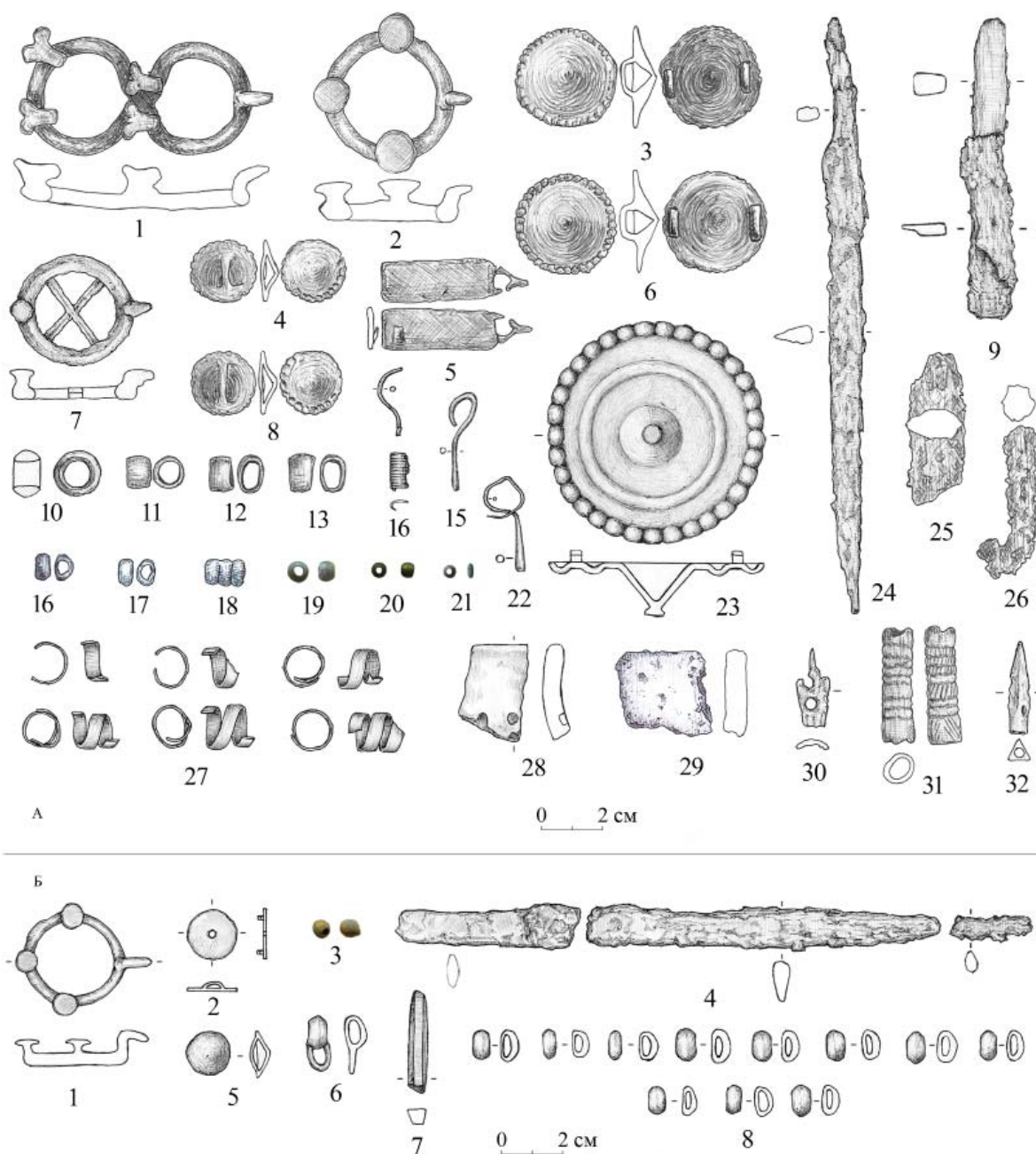

Рис. 3. Погребальный инвентарь Старокиргизовского могильника с бронзовыми (А) и бронзовыми/железными (Б) наконечниками стрел. А: 1-8, 10-18, 23, 27 - бронза; 9, 24-26 - железо; 19-21 - стекло с металлической прокладкой; 22 - серебро; 28, 29 - керамика; 30-32 - кость. Б: 1, 2, 5, 6, 8 - бронза; 3 - стекло; 4 - железо; 7 - кость.
Fig. 3. Burial inventory of the Starokirgizovsky burial ground with bronze (A) and bronze/iron (B) arrowheads. A: 1-8, 10-18, 23, 27 - bronze; 9, 24-26 - iron; 19-21 - glass with metal lining; 22 - silver; 28, 29 - ceramics; 30-32 - bone. B: 1, 2, 5, 6, 8 - bronze; 3 - glass; 4 - iron; 7 - bone.

в одном случае – с костяными и железными. Единичная находка бронзового и железного наконечников в одном погребении в очередной раз свидетельствует о быстрой смене типов вооружения и возможном влиянии сарматской военной традиции на пьяноборское население, подобно ситуации в Кипча-

ковском могильнике (Зубов, Саттаров, 2018, с. 213, табл. 1).

Бронзовые наконечники относятся к двум типам. К первому типу относятся наконечники стрел с трехлопастной с треугольной головкой и ровной базой с выступающей или внутренней втулкой. В одном погребе-

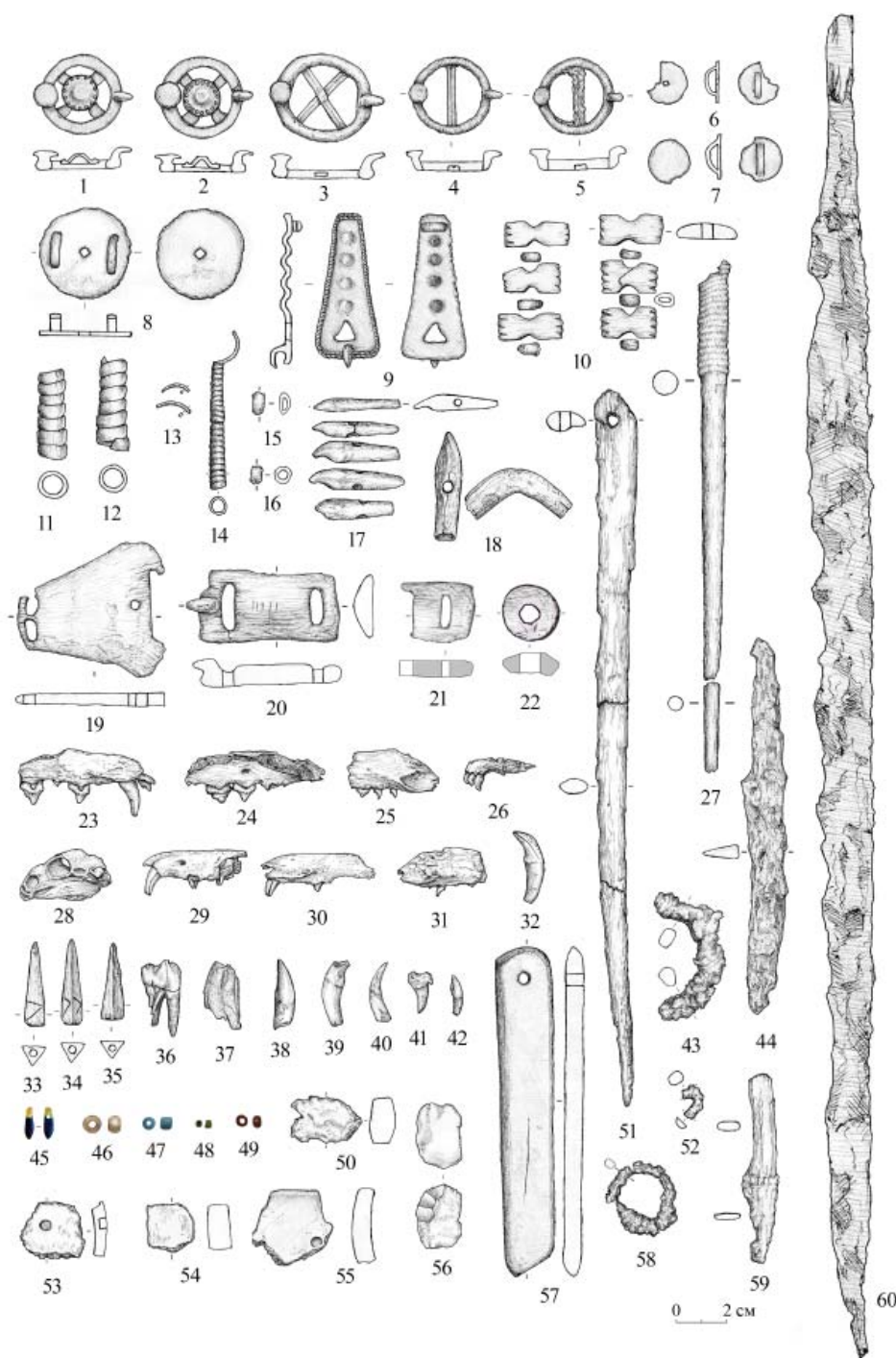

Рис. 4. Погребальный инвентарь Старокиргизовского могильника с железными наконечниками стрел: 1-16 - бронза; 17-42, 51 - кость; 43, 45, 52, 58-60 - железо; 45-48 - стекло; 49 - стекло с металлической прокладкой; 50 - шлак; 53-55 - керамика; 56-57 - камень.

Fig. 4. Burial inventory of the Starokirgizovsky burial ground with iron arrowheads: 1-16 - bronze; 17-42, 51 - bone; 43, 45, 52, 58-60 - iron; 45-48 - glass; 49 - glass with metal lining; 50 - slag; 53-55 - ceramics; 56-57 - stone.

нии встречаются втулки обоих типов (рис. 5: 13-21).

Ко второму типу наконечников стрел относится всего один наконечник из погребения

89 (рис. 7: 47). Этот наконечник отличается по форме от остальных и имеет сводчатую головку, лопасти срезаны под острым углом к втулке (тип 6 по классификации А.С. Скрипкина

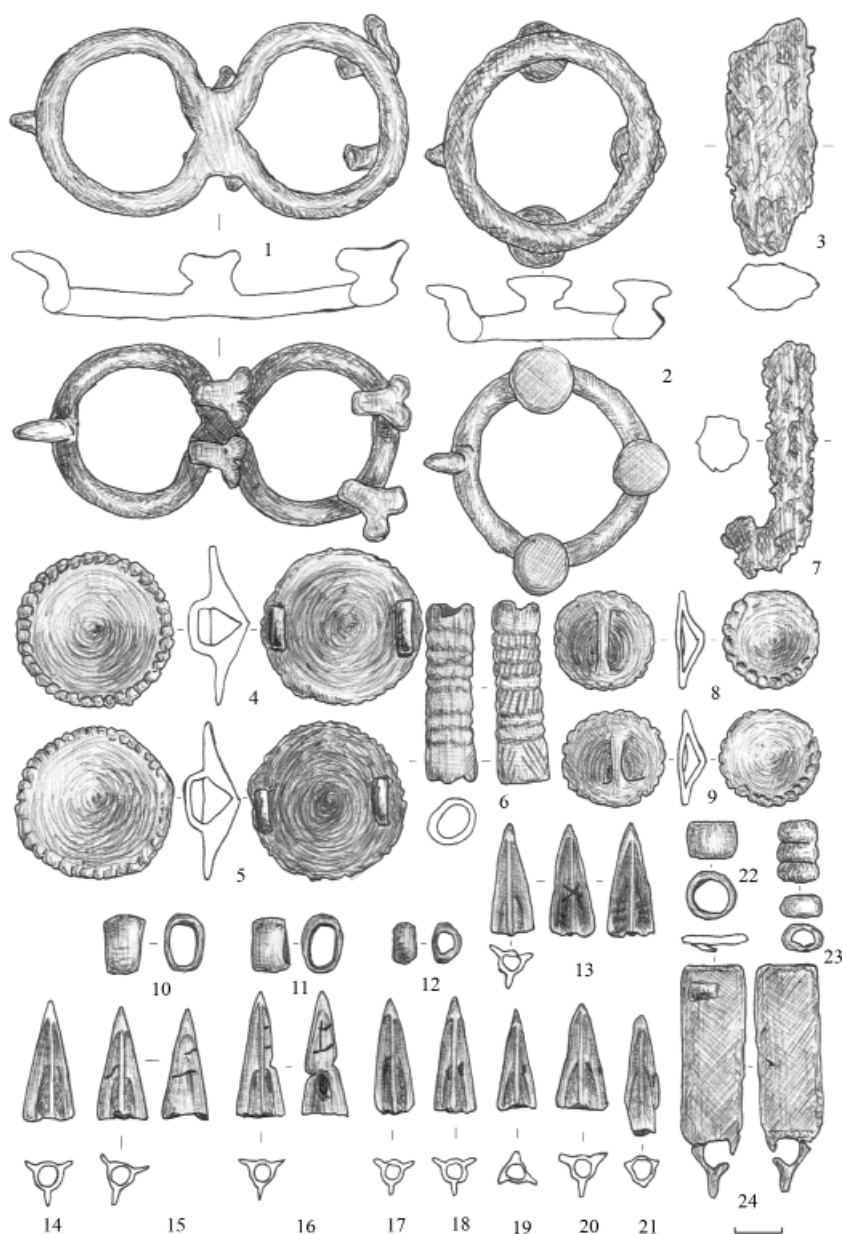

Рис. 5. Инвентарь погребения 92 Старокиргизовского могильника: 3, 7 – железо; 6 – кость; остальное – бронза.

Fig. 5. Inventory of burial 92 of the Starokirgizovsky burial ground: 3, 7 – iron; 6 – bone; others – bronze.

(1990, с. 70). Подобные наконечники ранее не встречены в комплексах пьяноборской культуры.

Единичные экземпляры бронзовых наконечников стрел из пьяноборских погребений имели длительное время бытования (Агеев, 1992, с. 70, 71, 74–75; Зубов, Саттаров, 2018, с. 213). Однако остается нерешенным вопрос относительно колчанов с бронзовыми наконечниками стрел. Вероятно, переход пьяноборского населения с бронзовых наконечников стрел на железные произошел в середине – второй половине I века до н. э., а к началу I

века н. э. они получили широкое распространение (Зубов, Саттаров, 2018, с. 214).

В погребении 92 наряду с наконечниками стрел первого типа была найдена застёжка в форме восьмерки. Ее выступы-«шпеньки» выполнены в форме стилизованной головы животного, возможно медведя (рис. 5: 1). Сами по себе восьмеркообразные застёжки не являются хронологическими маркерами начального этапа пьяноборской культуры. Ключевое значение имеет их крупный размер, находки в мужских погребениях и сочетание с колчанами, содержащими бронзовые наконеч-

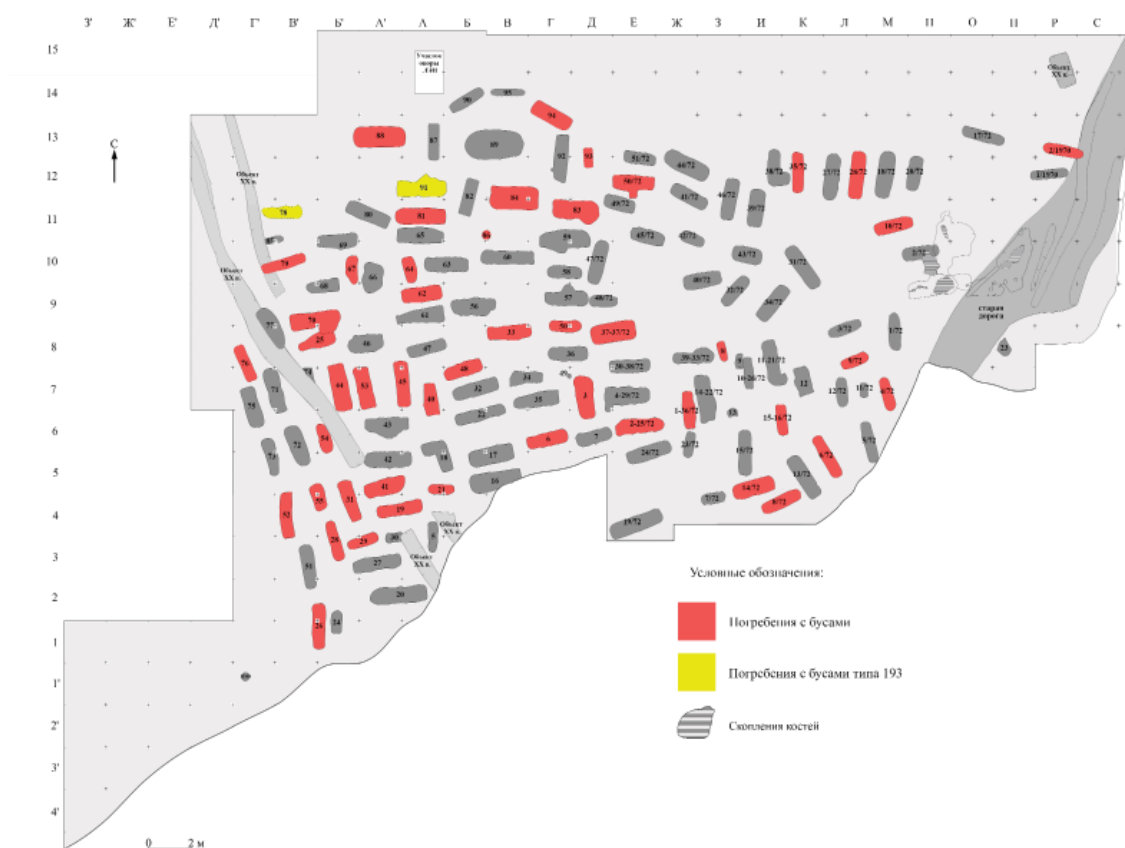

Рис. 6. Общий план Старокиргизовского могильника с указанием погребений с бусами.
Fig. 6. General plan of the Starokirgizovsky burial ground indicating the burials with beads.

ники стрел (рис. 3, 4). Пьяноборские восьмеркообразные застёжки развиваются на основе заимствований сарматских форм во II–I вв. до н. э. (Саттаров, Камалеев, 2022, с. 242).

Наличие погребального обряда, близкого к отдельным элементам обряда Кипчаковского могильника (в частности, окружение центрального погребения другими захоронениями), значительное количество наконечников стрел (уступает по количеству погребений только Кипчаковскому I могильнику) (Зубов, Саттаров, 2018, табл. 1; Агеев, 1992, табл. Б), а также сочетание бронзовых наконечников и восьмеркообразной застёжки в погребении позволяет синхронизировать его нижнюю дату с Кипчаковским могильником и определить в пределах II–I вв. до н. э. Однако имеющиеся данные не позволяют определить дату могильника с большей точностью.

Для определения верхней хронологической границы важны бусы, так как их поступление в пьяноборскую культуру в большей степени связано с первыми веками нашей эры (Саттаров, 2019, с. 11). Всего обнаруже-

но более 30 типов бус по классификации Е.М. Алексеевой (одноцветное и многоцветное стекло, стекло с металлической прокладкой). Многие из них имеют широкие хронологические рамки, в основном в пределах I–III вв. н. э.¹ Для определения верхней даты хронологически значимыми являются бусы типа 193, обнаруженные в погребениях 78 и 91 (рис. 6; 7: 1, 16) – треугольные подвески, спаянные из разноцветного стекла, с полосами и зонами, направленными вдоль канала отверстия. Данный тип датируется I в. до н. э. – II в. н. э., но был наиболее распространен на рубеже эр (Алексеева, 1978, с. 43). Аналогичные бусы были обнаружены в материалах Старочекмакского I могильника – всего 24 экземпляра: 23 в погребении 24 и один в погребении 31. Погребение 24 особенно примечательно, поскольку именно там были найдены бусины этого типа в сочетании с бусами других хорошо датированных типов (Старостин, 1977, с. 14). Отдельно стоит отметить бусину в виде утки². Эта форма редкая и не имеет полного соответствия в классификации Е.М. Алексее-

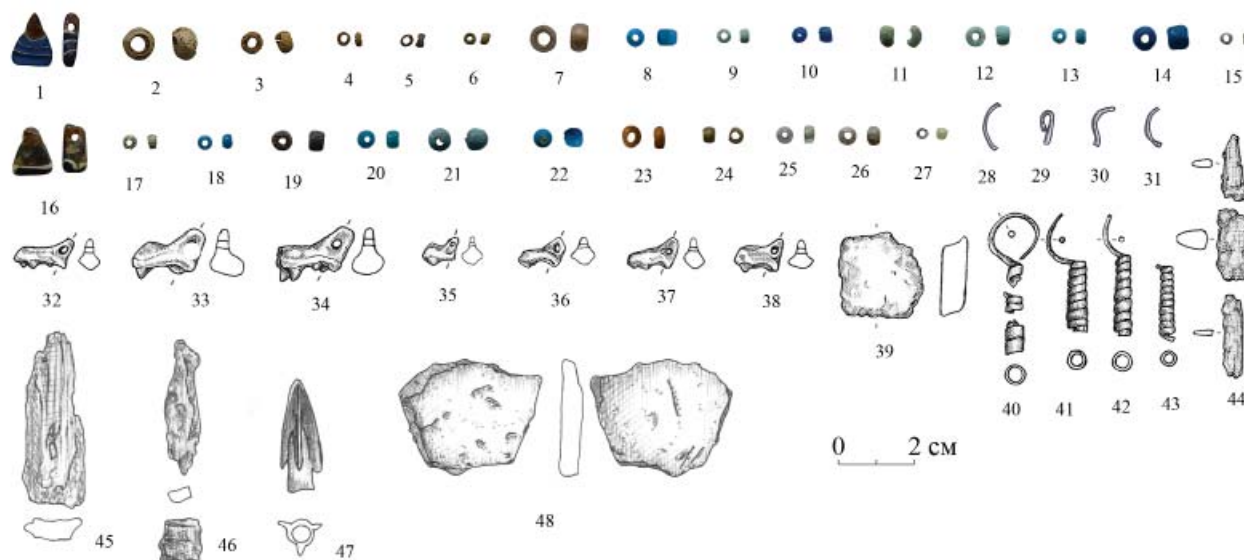

Рис. 7. Инвентарь погребений 78 (8-27, 32-44), 89 (45-48) и 91 (1-7, 28-31) Старокиргизовского могильника: 1-6, 8-22 - стекло; 7, 23-27 - стекло с металлической прокладкой; 28-31, 40-43, 47 - бронза; 32-38 - зубы собаки; 39, 48 - керамика; 44, 45, 46 - железо.

Fig. 7. Inventory of burials 78 (8-27, 32-44), 89 (45-48) and 91 (1-7, 28-31) of the Starokirgizovsky burial ground: 1-6, 8-22 - glass; 7, 23-27 - glass with metal lining; 28-31, 40-43, 47 - bronze; 32-38 - dog teeth; 39, 48 - ceramics; 44, 45, 46 - iron.

вой, но может быть отнесена к типу 188, датированному I-II вв. н. э. (Алексеева, 1978, с. 78). Ближайший аналог по форме, но изготовленный из египетского фаянса, происходит из могильника Красного (к. 2/1936) в Южном Приуралье (Трейстер, 2018, с. 15, рис. 9: 2). Погребение Старочекмакского могильника датируется I в. н. э. Кроме этого, в погребальных комплексах Старокиргизовского могильника отсутствуют характерные для II в. н. э. элементы поясной гарнитуры, достаточно четко выделенные Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (2016).

Примечания:

¹ Полной публикации бус Старокиргизовского могильника будет посвящена отдельная работа.

² Полной публикации бус Старочекмакского I могильника будет посвящена отдельная работа.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. 140 с.

Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. ГИ-12. М.: Наука, 1978. 120 с.

Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФ АН СССР, 1982. С. 125-144.

Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура III в. до н.э. - II в. н.э. / ВАУ. Вып. 10. Свердловск; Ижевск. Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1970. 224 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I-II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41-89.

Таким образом, хронологические рамки Старокиргизовского могильника определяются в пределах II вв. до н. э. - I в. н. э. Значительное число погребений с бронзовыми наконечниками стрел ставят Старокиргизовский могильник в один ряд с такими ранними памятниками, как Кипчаковский I, Уяндынский I и Трикольский могильники. Анализ материалов рассмотренного могильника подтверждает точку зрения исследователей (Зубов С.Э., Красноперов А.А.), что Сюньско-Бельское междуречье было ядром формирования пьяноборской археологической культуры.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Могильники Среднего и Нижнего Прикамья // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 475–502.

Голдина Р.Д., Лецинская Н.А. Пьяноборская культурно-историческая общность // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: АН РТ, 2021. С. 443–453.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Наконечники стрел пьяноборской культуры как хронологические маркеры (по материалам погребений Кипчаковского I курганно-грунтового могильника) // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ; ООО «Порто-Принт», 2018. С. 210–214.

Зубов С.Э., Саттаров Р.Р., Тагиров Ф.М. Кипчаковский I курганно-грунтовой могильник // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 261–300.

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск: Урал. ун-т, 1988. 241 с.

Красноперов А.А. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: сб. ст. к 70-летию П.Н. Старостина / Археология евразийских степей. Вып. 10 / Отв. ред. Д.Г. Бугров. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 92–105.

Красноперов А.А. Погребение №28 Икского могильника: к вопросу о ранней дате пьяноборских памятников // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 331–351.

Красноперов А.А. К вопросу о ранней дате пьяноборских памятников. Ч. 2: находки предметов вооружения и особенности погребального обряда // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 165–195.

Садыкова М.Х., Васильев В.Н. Поздние прохоровцы в Центральной Башкирии // УАВ. Вып. 3 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2001. С. 55–80.

Саттаров Р.Р. Импортные предметы в пьяноборской культуре (конец II в. до н.э. – II в. н.э.). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2019. 19 с.

Саттаров Р.Р., Камалеев Э.В. Бронзовые восьмеркообразные застёжки как хронологические маркеры пьяноборской культуры // Поволжская археология. 2022. № 3 (41). С. 225–247.

Старостин П.Н. Отчет о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведенных осенью 1976 г. Казань 1977 // НФ МАРТ. Ф. 14, Оп. 1, Д. 139. 98 л.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура (IV–I вв. до н. э.) / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. 278 с.

Трейстер М.Ю. Фигурные пронизи и подвески из так называемого египетского фаянса в Евразии в I в. до н. э. – III в. н. э. // Крым в Сарматскую Эпоху (II в. до н.э. – IV в.н.э.). Вып. 4 / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», 2018. С. 9–49.

Информация об авторах:

Саттаров Рузиль Раильевич, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); заместитель директора по научной работе, Институт археологии имени А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sattarov.rr@rambler.ru

Зубов Сергей Эдгардович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории археологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); guberfond@rambler.ru

Дупчур Чечен-оол Ильич, аспирант, Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан, (г. Казань, Россия); ch.dupchur@mail.ru

Салимгареев Ильгиз Фаритович, учитель истории филиала МБОУ СОШ им. Т. Назмиева с. Ябалаково СОШ с. Старокиргизово муниципального района Илишевский район Республики Башкортостан (с. Старокиргизово, Россия); sal00007@mail.ru

REFERENCES

- Ageev, B. B. 1992. *P'ianoborskaya kul'tura (The Pyany Bor Culture)*. Ufa: Bashkir Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Alekseeva, E. M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ia (Ancient Beads of Northern Pontic Region)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) GI-12. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Vasyutkin, S. M. 1982. In Ivanov, V. A. Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Priural'e v epokhu bronzy i rannego zheleza (Cis-Urals Region in the Bronze and Early Iron Ages)*. Ufa: Bashkiria Branch of the USSR Academy of Sciences, 125–144 (in Russian).
- Gening, V. F. 1970. *Istoriia naseleniia Udmurtskogo Prikam'ia v p'ianoborskuiu epokhu. Ch. I. Chegandinskaia kul'tura (III v. do n.e. – II v. n.e.) (History of Udmurt Kama Population in the Pyany Bor epoch. Part I. The Cheganda culture (3rd Century BC – 2nd Century AD))*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology) 10. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).
- Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).
- Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 475–502 (in Russian).
- Goldina, R. D., Leshchinskaya, N. A. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 443–453 (in Russian).
- Zubov, S. E., Sattarov, R. R. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 210–214 (in Russian).
- Zubov, S. E., Sattarov, R. R., Tagirov, F. M. 2021. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 261–300 (in Russian).
- Koriakova, L. N. 1988. *Ranniy zheleznyi vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura (The Early Iron Age in the Trans-Urals and Western Siberia (Sargatka Culture))*. Sverdlovsk: Ural State University (in Russian).
- Krasnopeorov, A. A. 2009. In Bugrov, D. G. (ed.). *Drevniaia i srednevekovaia arkheologiya Volgo-Kamii (Prehistoric and Medieval Archaeology of the Volga and Kama Rivers Region)*. Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 10. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 92–105 (in Russian).
- Krasnopeorov, A. A. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 331–351 (in Russian).
- Krasnopeorov, A. A. 2017. In *Arkheologiya Evraziyskikh stepey (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 165–195 (in Russian).
- Sadykova, M. Kh., Vasiliev, V. N. 2001. In Fedorov, V. K. (ed.) *Ufimskiy arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 3. Ufa: National Museum of the Bashkir Republic, 55–80 (in Russian).
- Sattarov, R. R. 2019. *Importnye predmety v p'ianoborskoii kul'ture (konec II v. do n.e. – II v. n.e.) (Imported Items in the P'ianobor Culture (Late 2nd century BC - 2nd century AD))*. Thesis of Diss of Candidate of Historical Sciences. Kazan (in Russian).
- Sattarov, R. R., Kamaleev, E. V. 2022. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 225–247 (in Russian).
- Starostin, P. N. 1977. *Otchet o raskopkakh mogil'nika «Stariy Chekmak», provedennykh osen'yu 1976 g. (Report on the Excavation of the "Stary Chekmak" Burial Ground carried out in the Fall of 1976)*. Kazan. Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Fund 14. Inv. 1, dossier 139 (in Russian).
- Moshkova, M. G. (ed.). 1997. *Srednesarmatskaya kul'tura (Middle Sarmatian culture)*. Series: Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary

monuments of Asian Sarmatia). 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Treister, M. Yu. 2018. In Khrapunov, I. N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.) II. 20 let issledovaniy mogil'nika Neizats (Crimea during the Sarmatian epoch (II century BC – IV century AD) 4. Simferopol: "Nasledie tysyacheletii" Publ., 9–49 (in Russian).*

About the Author:

Sattarov Ruzil R., Candidate of Historical Sciences, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sattarov.rr@rambler.ru

Zubov Sergei E., Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; guberfond@rambler.ru

Dupchur Chechen-ool I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ch.dupchur@mail.ru

Salimgareev Ilgiz F., Branch of the Municipal Budgetary Educational Institution Secondary School named after T.Nazmiev S. Yabalakovo secondary School S.Starokirgizovo of the Republic of Bashkortostan; sal00007@mail.ru

Статья поступила в журнал 07.09.2025 г.
Статья принята к публикации 09.10.2025 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу